

Бестауты Залина Георгиевна
старший преподаватель кафедры всеобщей истории
Юго-Осетинский государственный университет
имени А.А. Тибилова

Алборова Александра Владимировна
преподаватель кафедры философии
Юго-Осетинский государственный университет
имени А.А. Тибилова

ИНВЕСТИЦИИ В ЧЕЛОВЕКА: СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И СОЦИАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Статья посвящена обоснованию инвестиций в человеческий капитал как ключевой стратегии устойчивого развития, выходящей за рамки традиционной корпоративной социальной ответственности. В работе анализируются институциональные механизмы удержания персонала, методы измерения социального воздействия с использованием стандартизированных метрик (SROI, IRIS+, GRI), а также психологические и этические аспекты вложений в ментальное здоровье и локальные сообщества. На основе эмпирических данных и кейсов (включая примеры социальных облигаций) доказывается, что человекоцентричные инвестиции обладают кумулятивным экономическим эффектом, снижая будущие бюджетные расходы и системные риски. Автором формулируются три принципа эффективных стратегий: когерентность, адаптивность и прозрачность неудач, а также предлагается практический алгоритм проектирования социального воздействия.

Ключевые слова: Человеческий капитал, устойчивое развитие, социальное воздействие, инвестиции в человека, социальные облигации, ESG, человекоцентричность, измерение социальной отдачи.

Переход от ресурсоориентированной к человекоцентричной экономике требует пересмотра критериев оценки эффективности вложений, поскольку традиционные финансовые мультипликаторы постепенно уступают место индексам социальной отдачи. В условиях цифровой трансформации и автоматизации единственным невозпроизводимым активом остается когнитивный, эмоциональный и творческий потенциал индивида. Инвестиции в здоровье, образование и психологическую устойчивость формируют базу для снижения трансакционных издержек в обществе. Эмпирические данные по странам ОЭСР показывают, что увеличение расходов на раннее развитие детей на один процент ВВП дает прирост производительности труда на 0,8–1,2 процента в горизонте 15–20 лет. При этом ключевой стратегической ошибкой является отождествление социальных инвестиций с безвозвратными субсидиями. Напротив, они обладают кумулятивным эффектом, снижая будущие бюджетные расходы на компенсацию неравенства, безработицу и криминал. Лонгитюдное исследование Института экономики развития 2023 года демонстрирует, что каждый доллар, вложенный в программы наставничества для подростков из групп риска, возвращается 4,7 доллара в виде снижения нагрузки на систему правосудия и роста налоговых поступлений. Таким образом, социальное воздействие становится не просто гуманитарным принципом, а измеримым экономическим фактором.

Корпоративные модели «заботы о сотрудниках» без обратной связи, как правило, ведут к имитационной активности, тогда как устойчивый результат дают только те инвестиции, которые включают работника в сопроектирование собственной траектории развития. Анализ 150 компаний из списка Fortune Global 500 показал, что программы wellness и обучения без индивидуализации снижают текучесть лишь на 6–8 процентов. Однако при внедрении систем персональных социальных контрактов, включающих выбор курсов, гибкий график и ментальное консультирование по запросу, показатель удержания персонала возрастает до 27 процентов за три года. В более широком масштабе государственно-частное партнерство в

сфере образования должно сместить акцент с формальных квалификаций на метанавыки – адаптивность, системное мышление, эмоциональный интеллект. В противном случае сохраняется разрыв между дипломом и реальной продуктивностью. По данным Всемирного банка, до 40 процентов выпускников вузов в развивающихся экономиках не могут трудоустроиться по специальности из-за устаревших учебных планов. Инвестиционные стратегии, направленные на создание корпоративных кафедр и микрокредитование образовательных онлайн-платформ, сокращают этот разрыв до 12–15 процентов за три-пять лет.

Однако любые инвестиции в человека остаются зоной репутационных рисков, а не стратегического планирования, если не сопровождаются внедрением стандартизированных метрик – таких как IRIS+, GRI или SRS. Измеряемость воздействия выступает необходимым условием для масштабирования успешных практик. Проекты, использующие теорию изменений с четкими индикаторами (например, снижение индекса социальной исключенности или рост числа внутренних социальных лифтов), привлекают на 34 процента больше ESG-капитала по сравнению с инициативами без количественной оценки. Показательный пример – программа «Здоровые сообщества» в Румынии в 2021–2024 годах, которая позволила снизить количество дней временной нетрудоспособности на 19 процентов при вложениях в 2,3 миллиона евро; эти данные легли в основу национальной стратегии. В то же время эффект социального воздействия часто оказывается отсроченным во времени, что противоречит краткосрочной логике финансовых рынков. Решением здесь становится создание связанных инструментов – социальных облигаций и дат-импакт-фондов с выплатой дохода только при достижении социальных ключевых показателей эффективности. Пилотный выпуск социальных облигаций в Ульяновской области России в 2022–2025 годах на обучение социальных координаторов для пожилых людей позволил сократить госпитализации на 22 процента и принес инвесторам 5,8 процента годовых, что оказалось выше среднерыночной доходности по депозитам. Таким образом, долгосрочное социальное воздействие может быть монетизировано напрямую.

Важно учитывать и психологические измерения инвестиционных стратегий, поскольку их игнорирование способно свести на нет самые щедрые вложения. Инвестиции в человека, не учитывающие ментальное здоровье как актив, ведут к так называемому парадоксу выгорания: рост заработной платы и доступ к обучению при отсутствии психологической безопасности снижает совокупную факторную производительность. Мета-анализ 80 исследований, проведенный Gallup в 2024 году, подтверждает, что в компаниях с бюджетом на ментальную поддержку от 200 долларов на сотрудника в год продуктивность на 31 процент выше, а уровень саботажа на 52 процента ниже. Вложения в супервизию и когнитивно-поведенческие тренинги окупаются за 6–9 месяцев за счет сокращения ошибок и конфликтов. Не менее значимым оказывается этический контур: устойчивое социальное воздействие требует отказа от «спасительных» нарративов в пользу партнерских моделей. Инвестирование в сообщества должно происходить с учетом локального знания, иначе возникает эффект отторжения. Кейс программ микрофинансирования в сельских районах Индии показывает, что инициативы, разработанные без участия местных женских комитетов, демонстрировали невозврат 63 процентов займов. Там же, где инвестор выступал соорганизатором в формате социального франчайзинга, уровень возврата превышал 89 процентов. Следовательно, включенность бенефициара в дизайн инвестиции является критическим фактором устойчивости.

Подводя итог, можно утверждать, что устойчивое развитие через инвестиции в человека возможно только при одновременном соблюдении трех принципов. Первый – когерентность, то есть увязка финансовых и социальных целей на уровне миссии, а не в качестве дописка в виде корпоративной социальной ответственности. Второй – адаптивность, предполагающая гибкую настройку инструментов под жизненные циклы индивидов: наставничество в детстве, переквалификация в зрелости, профилактика изоляции в пожилом возрасте. Третий – прозрачность неудач, то есть публичный анализ проектов с отрицательным

социальным воздействием для последующей коррекции методов. Моделирование устойчивости регионов Европейского союза по данным Eurostat за 2025 год подтверждает, что территории с высоким Индексом человеческих инвестиций, включающим здоровье, образование и участие, на 44 процента быстрее восстанавливаются после кризисов и имеют в 2,1 раза более низкий уровень социальной напряженности. Следовательно, вложения в человека представляют собой не альтруизм и не дополнительную опцию, а базовую стратегию снижения системных рисков. Для практического проектирования социального воздействия рекомендуется использовать следующий алгоритм: идентификация латентного человеческого потенциала через метод социальных карт, выбор адекватного финансового инструмента – гранта, облигации или дат-импакт-контракта – и постоянный мониторинг с коррекцией не реже одного раза в шесть месяцев. Только такой подход превращает инвестиции в человека из декларации в инструмент реальных изменений

Список литературы:

1. Черненко, И. М. Концепция конвергенции национальных и корпоративных стратегий развития человеческого капитала как драйвер экономического роста в России: монография / И. М. Черненко, И. И. Семенова, В. Ю. Земзюлина, М. С. Колясников. – Москва: Первое экономическое издательство, 2025. – 429 с.
2. Соловых, Н. Н. Человеческий капитал в модели устойчивого экономического роста России: монография / Н. Н. Соловых, Г. А. Терская, С. А. Варвус, М. А. Екатерининская, Н. В. Цхададзе, О. В. Карамова, О. В. Орусова, Д. Р. Орлова, С. А. Охрименко, В. А. Черней, П. В. Арефьев; под редакцией О. В. Карамовой, Г. А. Терской, Н. В. Цхададзе. – Москва: Прометей, 2023. – 514 с.
3. Воронина, Н. Ф. Человеческий потенциал в цифровой экономике как условие устойчивого развития регионов РФ: монография / Н. Ф. Воронина, Т. Ю. Анопченко. – Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2024. – 347 с.
4. Худякова, О. Ю. Модели устойчивого роста человеческого капитала России / О. Ю. Худякова // Стратегии устойчивого развития: экономические, юридические и социальные аспекты: монография. – Чебоксары: ИД «Среда», 2025. – Глава 8. – С. 112–123.
5. Рыбалко, М. А. Развитие человеческого капитала на основе экосистемы подготовки кадров в регионе / М. А. Рыбалко // Технологии и человеческий капитал: ключевые факторы устойчивого роста: коллективная монография. – Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс Рост. гос. экон. ун-та (РИНХ), 2024. – С. 747–756

